

М. Ю. Крапивин

ИСТОРИЯ АРЕСТА ПРОФЕССОРА ПЕТРОГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И. Г. АЙВАЗОВА ОРГАНАМИ ЧК (октябрь 1919 г. — май 1920 г.)*

Статья посвящена сравнительно малоизвестному эпизоду из жизни профессора Петроградской духовной академии И. Г. Айвазова (1872–1964). В ночь на 23 октября 1919 г. он был арестован сотрудниками Петроградской губернской чрезвычайной комиссии и в течение почти полугода содержался в качестве заложника в местах лишения свободы. Судьба И. Г. Айвазова решалась на уровне Секретного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии с опорой на содержание экспертных заключений, подготовленных председателем «Исполнительного комитета по делам духовенства всей России» А. Ф. Филипповым и Управляющим делами Совета народных комиссаров РСФСР В. Д. Бонч-Бруевичем. Так как следственно-уголовное дело на И. Г. Айвазова не сохранилось (если оно вообще существовало), автор статьи вынужден был реконструировать все перипетии пребывания И. Г. Айвазова под арестом на основании разрозненных архивных свидетельств. Важнейшие документы включены в текст публикации в полном объеме и сопровождаются подробным комментарием.

Ключевые слова: И. Г. Айвазов, Петроградская губернская чрезвычайная комиссия, заложник, концентрационный лагерь принудительных работ, Секретный отдел Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

Иван Георгиевич Айвазов (13.02.1872–17.12.1964) родился в г. Мариуполе Екатеринославской губ. Закончил Екатеринославскую духовную семинарию, затем Казанскую духовную академию (1898) со степенью кандидата богословия. С 1899 г. исполнял обязанности противосектантского миссионера в Тамбовской епархии, с 1902 г. — в Екатеринославской, с 1903 г. — в Харьковской. В 1912 г. был удостоен звания магистра богословия. В 1912–1913 гг. доцент Московской духовной академии по кафедре истории и обличения русского сектантства. Указом Св. Синода от 9 июня 1913 г. был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию, где преподавал до 1917 г. Принимал активное участие в монархическом движении, состоял членом «Русского собрания». Был одним из ближайших сподвижников прот. Иоанна Восторгова (1864–1918). Работал редактором и сотрудником журнала «Голос Церкви» (1912–1916), редактировал журнал «Душеполезное чтение» (1915–1917). Известен как автор многочисленных сочинений на темы миссионерства и обличения сектантства. В 1918 г. был назначен миссионером-проповедником Московской епархии. По сведениям на вторую половину 1919 г., Айвазов работал в Петрограде в системе Наркомпроса РСФСР. В ночь на 23 октября 1919 г. он был арестован сотрудниками Петроградской губернской ЧК по месту проживания (Калашниковская наб., д. 32, кв. 46) и помещен в Дом предварительного заключения на Шпалерной ул. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карг. 150. Ед. хр. 7. Л. 2).

Михаил Юрьевич Крапивин — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (mihaikrapivin61@yandex.ru).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00299 А.

12 ноября 1919 г. супруга профессора Мария Евангелиевна Айвазова направила письмо на имя Управделами Совнаркома РСФСР В. Д. Бонч-Бруевича¹. Настаивая на том, что деятельность ее мужа «уже много лет проявлялась в проповедничестве и лекциях-беседах научно-философского характера. И тени не было во всех его действиях чего[-]либо контр-революционного или призывающего к неподчинению Советской Власти или погромной агитации. <...> Будучи сам сыном кочегара и получив образование на последние гроши, проф. Айвазов не мог не относиться сочувственно к Советской Власти, как власти трудящихся, одобряя все ее мероприятия, как административные, так и церковные. Человек этот не причинил и не может в будущем причинить вреда коммунистическому государству». Прося о применении к арестованному акта амнистии от 7 ноября 1919 г., М. Е. Айвазова указывала на то, что «лица, значащиеся» с Айвазовым «под одним № 2382 о заложниках[,] уже выпущены» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 150. Ед. хр. 7. Л. 2).

В. Д. Бонч-Бруевич, получив обращение супруги Айвазова, переслал его (делопроизводственный № 3779, без даты) в четыре адреса: Г. Е. Зиновьеву² и Н. В. Крыленко³; в ПетрогубЧК и «Бюро жалоб»⁴ с просьбой по результатам рассмотрения ходатайства известить просительницу и Управделами СНК (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 150. Ед. хр. 7. Л. 1).

Между тем следователь ПетрогубЧК И. Н. Клейц⁵ в ходе допроса, состоявшегося 31 октября и 1 ноября, предложил арестованному «дать письменный ответ» на ряд вопросов принципиального свойства, о его отношении к советской власти, к «иностранным вмешательствам в дела Советской России», о его взглядах «на взаимные отношения между Церковью и Советской Властью»⁶.

¹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) был крупнейшим исследователем и знатоком русского сектантства. Он искренно верил в способность многомиллионных сектантских низов выполнить функцию своеобразного ключа, открывавшего для большевиков дверь в деревню, и однозначно высказывался за выработку особого подхода к сектантству, отличного от отношения к Православной Российской Церкви. Заняв после Октября 1917 г. пост Управляющего делами Совнаркома РСФСР (и оставаясь в этой должности до октября 1920 г.), Бонч-Бруевич активнейшим образом использовал свой административный ресурс для поддержки сектантских организаций в их конфликтах с различными советскими структурами. Вместе с тем Бонч-Бруевич весьма неодинаково относился к тем или иным сектантским объединениям. Долгие годы общения с сектантской массой убедили его в том, что будущее обновленной России связано исключительно с радикальными старыми русскими сектами, отколовшимися от православия: молоканами, духоборцами, трезвенниками, новоизраильянами и др. Он заявлял, что вышеперечисленные сектантские объединения совершенно безболезненно усваивают советские законы и органически вливаются (в качестве сельскохозяйственных и промышленных ячеек) в советское хозяйственное строительство, несмотря на то, что их коммунистические воззрения и обличены (в силу исторических условий) в религиозные формы. Что же касается баптистов, евангельских христиан и других протестантских вероисповедных объединений т. н. западного происхождения, состав которых характеризовался преобладанием более зажиточных слоев и групп населения, то к их деятельности в Советской России Бонч-Бруевич относился с большой настороженностью.

² Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский-Апфельбаум Евсей-Гершен Аронович; 1883–1936). На момент описываемых событий — член ЦК РКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК. С декабря 1917 г. по март 1926 г. — председатель Петроградского совета.

³ Крыленко Николай Васильевич (А. Брам; 1885–1938). С марта 1918 г. — член коллегии наркомата юстиции РСФСР, с мая 1918 г. возглавил коллегию обвинителей Революционного (с апреля 1919 г. — Верховного революционного) трибунала при ВЦИК.

⁴ Постановлениями Наркомата госконтроля РСФСР от 4 и 24 мая 1919 г. были созданы Центральное и местные Бюро жалоб и заявлений, принимавшие обращения граждан на действия любых органов и должностных лиц советского государства.

⁵ Клейц Иван Николаевич (1885 — не ранее 1930). До революции — наборщик в типографии. С июля 1919 г. по октябрь 1920 г. (ориентировочно) — следователь Петроградской губернской ЧК.

⁶ И. Г. Айвазов — Д. И. Курскому, 1 марта 1920 г. (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 6).

Согласно позднейшей версии самого Айвазова, «вины никакой за мною не оказалось, а меня просто желали „выяснить“. <...> В итоге всего... следователь заявил о скором — „на днях“ — отпуске меня и разрешил мне свидание с женою. 7 ноября вышел декрет об амнистии и я еще сильнее укрепился в мысли об освобождении»⁷. «Однако, 14-го ноября меня отправили в Москву, как „заложника“⁸, что меня глубоко поразило, та[к] как ни с какой стороны я не мог быть причислен к „заложникам“»⁹. «Здесь я просидел в заключении при В. Ч.К. на Б[ольшой] Лубянке почти месяц и без всякого допроса был 12 декабря препровожден в Новопесковский¹⁰, близ Арбата, лагерь»¹¹.

14 декабря Айвазов писал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Сам я происхожу из бедной мещански-крестьянской семьи, учился на трудовые гроши отца и жил плодами своих трудов и оч[ень] часто в нужде и горе. Гнет капитализма я постиг личным опытом и был всегда идейным противником капитализма. Поэтому[-]то Советскую Власть я воспринял свободой в ее политико-экономической программе. А т. к. Советская Власть дала свободу религиозной совести, то послушание ей было для меня нормой моей жизни и деятельности. <...> Уже два месяца почти прошли, как я терплю муки тюремного заключения и не знаю[,] за что? Что сделал я против Советской России? Я не буржуй, а сын пролетариев; сам жил в нужде и горе, по 15 час[ов в] сутки работал; ничего я не имел и не имею. Я и не контрреволюционер, п[отому] что никогда не одобрял и не участвовал в засилье царизма-бюрократии над народом и все симпатии имею к Советской Власти, в т[о ж]е время всеми фибрами души ненавижу мировую

⁷ И. Г. Айвазов — В. Д. Бонч-Бруевичу, 14 декабря 1919 г. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об.).

⁸ Текст приказа ВЧК № 208 «О заложниках и арестах специалистов» от 17 декабря 1919 г. содержал следующие разъяснения: «Что такое заложник? Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется, при чем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. <...> За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и н[и]чего не даст. <...> Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. <...> Исходя из этого, ВЧК предписывает Вам на будущее время руководствоваться нижеследующими положениями: 1) взять на учет: а) все буржуазное население, могущее служить заложниками, как то: бывш. помещиков, купцов, фабрикантов, заводчиков, банкиров, крупных домовладельцев, офицеров старой армии, видных чиновников царского времени и времени Керенского и видных родственников сражающихся против нас лиц; б) видных работников противосоветских партий, склонных остаться за фронтом на случай нашего отступления. 2) Предоставить списки этих лиц ВЧК со своим заключением (звание, должность, имущественное положение до революции и после революции). 3) К аресту заложников приступать только с разрешения или предписания ВЧК» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. С. 160–161).

⁹ И. Г. Айвазов — Д. И. Курскому, 1 марта 1920 г. (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 6).

¹⁰ Основы советской исправительно-трудовой политики, заложенные VIII съездом РКП(б) (март 1919 г.), были организационно оформлены декретами ВЦИК РСФСР «О лагерях принудительных работ» от 15 апреля 1919 г. и 17 мая 1919 г. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось (по согласованию с ВЧК) Центральному управлению лагерями принудительных работ (15.04.19–17.05.19); Отделу принудительных работ (17.05.19–18.05.20); Главному управлению принудительных работ (18.05.20–09.1920).

Новопесковский (Ново-Песковский) концентрационный лагерь принудительных работ при НКВД РСФСР (Москва, близ Смоленского рынка, Новопесковский пер., д. 5) был открыт 1 мая 1919 г. В отличие от прочих концлагерей Новопесковский выполнял функцию «Распределителя, в который поступают арестованные из разных мест и учреждений с тем, чтобы быть направленными далее в другие лагеря, сообразуясь с свойством совершенных ими преступлений, с продолжительностью сроков наказаний и т. п.» (ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 16. Л. 13).

¹¹ И. Г. Айвазов — В. Д. Бонч-Бруевичу, 14 декабря 1919 г. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об.).

акулу — Антанту[,] за ее кровавую политику в отношении к Советской России. <...> Если есть за мною вина: пусть скажут и по ее содержанию допросят. Если нет вины, пусть дадут свободу[,] и я отдам все свои силы на служение Советской России. Все же я был, есть и буду человеком чести и долга. Мне верили массы и верят. <...> Помогите мне и возьмите мои знания и опыт для Советской России, чем окажите и мне и правде незабвенную милость. Ведь, я уверен, что за мною нет вины, что в заложники я не гожд¹², как не буржуй и контрреволюционер. Да и странно пребывание среди титулованных бюрократов и капиталистов! <...> Изведите меня из темниц и найдете во мне и полезного и благодарного работника на ниве Советской России»¹³.

В концлагере Айвазов «пробыл до 27 января 1920 г., когда, за поручительством Председателя „Еро“ и „Транспорт[ного] Отдела“ Моск[овского] Совета Р[абочих и] К[расноармейских] Д[епутатов] А. М. Харсона¹⁴», его «откомандировали¹⁵ на службу¹⁶ к Ответственному Комиссару Московского жел[езно]дор[ожного] Узла» Ушакову для работы в должности «ответствен[ного] секретаря или Заведующего делами канцелярии» (Москва, ул. Новая Басманная, д. 14, комната 22) (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 4).

Отношением № 841 от 5 февраля 1920 г. «Управление лагерями принудительных работ»¹⁷ обязало Айвазова приходить на регистрацию один раз в месяц (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 4): «я продолжаю числиться за лагерем, хотя мне и разрешено жить на частной квартире» (Москва, угол Тверской ул. и Страстного бульвара, д. 2, общежитие «Вега», комната 20 («это временный квартирный адрес»)) (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.).

¹² В письме В. Д. Бонч-Бруевичу, написанном 20 (или 26 марта) 1920 г., Айвазов указывал, что он только в Новопесковском лагере «узнал, что причислен к заложникам. Это меня крайне удивило: я был вполне лоялен и даже, по совести говорю[,] доброжелателен к Советской Власти. Всякая контрреволюционность в отношении к Советской Власти была просто противна мне[,] и я осуждал ее; далее, я происходил от бедного шкипера и крестьянки (беглой от крепостника-помещика), ... я не был капиталистом, ни даже просто собственником какого либо недвижимого имущества. Наконец, у меня нет никого из родных в рядах безумцев-белогвардейцев» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.)

¹³ И. Г. Айвазов — В. Д. Бонч-Бруевичу, 14 декабря 1919 г. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об.).

¹⁴ Отдел по разгрузке Московского железнодорожного узла, пристаней и складов г. Москвы (Единый разгрузочный орган — ЕРО Московского железнодорожного узла при Московском Совете), 3 марта 1919 — 11 июня 1920 гг. Председатель ЕРО — Александр Михайлович Харсон (14 ноября 1919 — 11 июня 1920). Транспортный отдел Моссовета (19 апреля 1918 — 11 июня 1920). Заведующий отделом — Александр Михайлович Харсон (26 июня 1918 — 3 июня 1920) [Гарнук, 2011, 227, 237].

¹⁵ «Приказ по Ново-Песковскому Концентрационному лагерю № 31 от 31-го января 1920 г. <...> § 6. Командированного в распоряжение Комиссара Московского Узла тов. Ушакова заключенного АЙВАЗОВА, Ивана Георгиевича (с обязательством еженедельной регистрации в Управлении лагерями) проводя по регистрации исключить с довольствия с 1-го февраля. <...> Комедант лагеря Г[еоргий Георгиевич] Федоров. С подлинным верно: [подпись] (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 98. Л. 127).

¹⁶ Лагеря принудительных работ в РСФСР в 1919–1922 гг. были организованы на принципах самокупаемости. В Правилах об отпуске на работы заключенных, подведомственных Московскому управлению лагерей (1920 г.), подчеркивалось: «Все заключенные лагерей, кроме больных и неспособных к труду по преклонности лет, ... привлекаются к обязательным работам, в первую очередь, внутри лагеря, а затем оставшиеся свободными посылаются на внешние работы» (ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 3–4).

¹⁷ Управление Московскими концентрационными лагерями первоначально (с 29 августа 1919 г.) подчинялось Президиуму Моссовета. С 17 сентября 1919 г. оно было переподчинено Управлению делами Президиума Моссовета [Гарнук, 2011, 253]. В документах октября 1919 — мая 1920 гг. встречаются следующие наименования: Отдел управления концентрационными лагерями при Моссовете; Управление московскими лагерями принудительных работ; Московское Управление лагерями (лагерей) принудительных работ.

По словам Айвазова, он работал «ежедневно» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 3), «не исключая дней воскресных и праздничных, с 9 ч[асов] утра и до 8–9 ч[асов] веч[ера], а нередко и до часа ночи» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.).

Уже через две недели, 13 февраля, Ушаков письменно обратился в ВЧК (дело производственный № 727) с просьбой «выдать профессору Ивану Георгиевичу АЙВАЗОВУ Удостоверение о его полном освобождении» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 4).

Тем временем, независимо от ходатайства Ушакова, судьба И. Г. Айвазова решалась на уровне Секретного отдела (СО) ВЧК. Предварительно чекисты обратились за консультацией к А. Ф. Филиппову, председателю «Исполнительного комитета по делам духовенства всея России»¹⁸. 13 февраля 1920 г. Филиппов с пометой «срочно»

¹⁸ Филиппов Алексей Фролович (1868–1936), журналист и издатель. Политические взгляды Филиппова дореволюционного периода могут быть охарактеризованы скорее как державно-националистические (симпатизировал октябристам), одно время был близок к обер-прокурору К. П. Победоносцеву. Однако после февраля 1917 г. открыто поддержал РСДРП(б), подчеркивая государственнический и народный характер идей большевизма. В декабре 1917 – январе 1918 гг. при посредничестве А. В. Луначарского Филиппов вошел в контакт с руководством ВЧК. В течение нескольких месяцев добровольно и, кажется, безвозмездно передавал чекистам информацию, собранную в российских предпринимательских кругах. Пользовался большим личным доверием председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского. Оставаясь за штатом, Филиппов получил статус (с 9 апреля 1918 г.) секретного сотрудника при Президиуме ВЧК. Летом 1919 г. в Москве по личной инициативе Филиппова, с согласия Президиума ВЧК, при содействии и под общим контролем Секретного отдела (СО) ВЧК был создан «Исполнительный комитет по делам духовенства всея России» («Исполкомдуха»). По замыслу Филиппова, исполнявшего обязанности председателя Комитета, «Исполкомдуха» должен был стремиться: 1) к уничтожению сословных перегородок в иерархической структуре Православной Церкви; 2) к примирению различных христианских вероисповеданий между собой; 3) добиваться (посредством системы организационных и пропагандистских мер) ослабления оппозиционных по отношению к большевистскому государству настроений в среде священнослужителей, дабы обеспечить признание духовенством («не Церковью, а ... именно духовенством, как классом граждан советских») советской власти в качестве единственной реальной политической силы в стране. По мнению Филиппова, это дало бы возможность использовать влияние духовенства на массы в интересах укрепления нового политического строя и привлечь священнослужителей, симпатизировавших советам, к общекультурной работе в сфере сельского хозяйства и кооперации, в органах Наркомпроса и Красного Креста. Тем самым Филиппов надеялся добиться формирования у властных инстанций взгляда на священнослужителей «как лояльное в массе и полезное при новом строе, явление». «Исполкомдуха» задумывался в качестве добровольческой организации, общественного объединения, существующего на пожертвования от частных лиц. Основу Комитета должны были составлять активные миряне, которые вели бы «работу с духовенством и для духовенства». «Исполкомдуха» функционировал всего год. Главной причиной непродолжительности его существования стала зависимость Комитета от разнонаправленно действовавших центров влияния: чекистов, с одной стороны, духовенства, с другой. Как писал Филиппов, «духовенство видело в нас не бескорыстных, но наемных и даже действующих по поручению правительства лиц». ВЧК, в свою очередь, интересовали возможности использования «Исполкомдуха» в качестве «коллективного экспертного учреждения» на том временном отрезке, пока в Секретном отделе ВЧК отсутствовало (из-за недостатка специалистов) специальное отделение по работе среди духовенства. Однако с течением времени в деятельности «Исполкомдуха» стали просматриваться черты, свойственные правозащитной организации, что не находило понимания в государственных структурах. СО ВЧК ставил Филиппову в вину, что тот «не добился необходимого перерождения духовенства и действительного перехода его в ряды сторонников Соввласти». Более того, «Исполкомдуха», по утверждению чекистов, стал «стремиться к поднятию авторитета Церкви путем устранения пережитков прошлого и приспособления ее к новому строю». По совокупности этих причин в СО ВЧК было принято решение закрыть «Исполкомдуха», как учреждение «не только бесполезное, но и вредное». Впрочем, опыт работы Комитета (обмирщенная раскольническая структура, вытесняющая «реакционное» духовенство) отчасти был использован властями позднее, при насаждении в Русской Церкви обновленческого раскола [Крапивин, 2012].

направил на имя М. И. Лациса¹⁹ свое «ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ АЙВАЗОВА проф[ессора]. Анкета № 5996»:

«СПРАВКА.

АЙВАЗОВ действительно сын шкипера и действительно неумолимый труже[н]ик, пробивший своими руками и головой себе дорогу;

НО в свое время это был вожак в духовенстве (наряду с Варжанским²⁰, Скворцовым²¹, Кальновым²² и др[угими] миссионерами) против сектантов, которых он буквально ненавидел, преследовал в процессах и на суде, будучи вызываем в качестве эксперта в делах исповедных.

Воинствующий миссионер старого времени и приемов, человек весьма умный, изворотливый, довольно бесцеремонный в приемах и умеющий приспособляться, был необходимым человеком при черносотенном митрополите Владимире²³ в Петрограде; но также скоро сумел обойти и приспособиться к его противнику, либеральному Питириму²⁴, другу Распутина.

АЙВАЗОВ — монархист боевого толка и действий; явный сторонник полного использования церкви в интересах монархической государственности. На этой, между прочим, почве, он разошелся с расстрелянным Восторговым²⁵, стремившимся в последнее время распутиновщины оградить синодальную церковь от неприличного вмешательства Царской Власти и темных влияний, вроде Распутина.

¹⁹ Лацис (Судрабс) Мартын (Мартин, Ян) Иванович (Пиндрикович, Фридрихович) (1888–1938). На момент описываемых событий — заведующий СО ВЧК (сентябрь/октябрь 1919 — 6 сентября 1920).

²⁰ Варжанский Николай Юрьевич / Георгиевич (1881–1918). Выпускник Московской духовной академии (1907). Кандидат богословия. В 1908 г. был назначен помощником противосектантского миссионера, а позже был утвержден в должности московского епархиального миссионера-проповедника. С 14 марта 1911 г. одновременно состоял на службе в канцелярии Св. Синода. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. исполнял обязанности делопроизводителя Отдела о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине.

²¹ Скворцов Василий Михайлович (1859–1932). Окончил Киевскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной семинарии, служил миссионером Киевской и Полтавской епархий. В 1895 г. был назначен на должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Основал и редактировал: ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение» (1896–1916/1917) и ежедневную церковно-политическую газету «Колокол» (1906–1916/1917). Был членом «Русского собрания». Принимал активное участие в деятельности «Русского народного союза им. Михаила Архангела» (РНСМА), в 1909 — 1-й половине 1915 г. — член Главной Палаты РНСМА. В годы Гражданской войны на юге России возглавлял правую организацию «Союз русских национальных общин» (создан в мае 1919 г.).

²² Правильно: Кальнев Михаил Александрович (ок. 1864–?). Херсонский епархиальный миссионер, магистр богословия, автор значительного числа сочинений по вопросам миссии. Член Поместного собора 1917–1918 гг. по избранию (как мирянин от Херсонской епархии).

²³ Владимир (Василий Никифорович Богоявленский; 1848–1918). 23 ноября 1912 г. был назначен митрополитом Санкт-Петербургом и Ладоским и первенствующим членом Св. Синода. Выступал против влияния Гр. Распутина на синодальные дела, чем вызвал недовольство царского двора, что привело к его удалению со столичной кафедры. С 23 ноября 1915 г. был переведен на Киевскую и Галицкую кафедру с сохранением звания первенствующего члена Св. Синода.

²⁴ Питирим (Павел Васильевич Окнов; 1858–1920), митрополит Петроградский и Ладоский (23 ноября 1915 — март 1917), член Св. Синода (с 26 июня 1914 г.). В обществе имел репутацию ставленника Гр. Распутина, ввиду чего был одним из первых смещен с кафедры вскоре после падения монархии, 6 марта 1917 г. по ст. ст.

²⁵ Иван (Иоанн) Иванович Восторгов (1864–1918), с 25 января 1906 г. проповедник-миссионер, один из виднейших деятелей монархического движения. С 31 мая 1913 г. настоятель Покровского собора на Рву (храма Василия Блаженного). В 1917 г. секретарь Миссионерского совета при Св. Синоде. Участвовал в работе Поместного Собора 1917–1918 гг. 9 (22) мая 1918 г. во время крестного хода призвал москвичей защищать веру православную. 30 или 31 мая был арестован, 23 августа (5 сентября) 1918 г. расстрелян.

Ярый противник сектантства, даже столь невинного и наивного[,] как „братцев“ Колосковых, в которых он видел хлыстовство, он[,] подобно Щегловитову²⁶[,] не только создава[л] „иные сектантские процессы“, но пользовался широко полицейскими средствами и для осеяния обстановки их: так[,] например, участвовал в обысках сектантов, отыскивая сорочки, в которых они „священно-действовали“, для получения „благодати“ Духа Святаго.

Ярый юдофоб, АЙВАЗОВ, как уверяют, был участником и в создании процесса Бейлиса, по крайней мере[,] в первой его стадии (не[,] выяснено, бы[л] ли экспертом в деле).

Посему:

З а к л ю ч е н и е.

По делу АЙВАЗОВА подлежит за дополнительными и решающими сведениями обратиться к В. Дм. Бонч-Бруевичу, который, как изучавший сектантство и выступавший на процессах в роли эксперта и, конечно, в противоположном АЙВАЗОВУ направлении[,] — может дать обстоятельную характеристику, которая и должна быть положена в основание решения по вопросу о судьбе АЙВАЗОВА.

Дополнительные и наиболее четкие сведения мной будут представлены во избежание незрелого и скороспешного разрешения вопроса, ибо если АЙВАЗОВ находится на службе в Наркомпросе, то с очевидного ведома тов. ЛУНАЧАРСКАГО²⁷, к которому также надлежит обратиться с запросом[,] поскольку занимаемая АЙВАЗОВЫМ должность является ответственной, а личность его необходимой для интересов просвещения в духе Советской Власти. Алексей ФИЛИППОВ. 13/II–20 г. Москва. С подлинным верно: *Влад. Бонч-Бруевич*. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 150. Ед. хр. 7. Л. 3–3 об. Заверенная машинописная копия. Заверительная подпись В. Д. Бонч-Бруевича — автограф).

В соответствии с рекомендацией Филиппова СО ВЧК незамедлительно (делопроизводственный № 3571 от 16 февраля 1920 г.) прибег к помощи В. Д. Бонч-Бруевича: «Препровождая при сем справку и заключение А. Филиппова, председателя Комитета по делам духовенства, как экспертизу по делу заключенного проф[ессора] АЙВАЗОВА[,] Секретный отдел В. Ч.К. просит Вас не отказать сообщить как по существу записки Филиппова, так и свой личный дополнительный отзыв о деятельности АЙВАЗОВА в видах оценки степени полезности или вреда для нынешнего строя. Айвазов находится[,] как заложник, в заключении в Новопесковском лагере; по справкам[,] работал в Наркомпросе в Петрограде, откуда и был доставлен в Москву на распоряжение В. Ч.К. Заведывающий СЕКРЕТНЫМ ОТДЕЛОМ (подпись). <...> С подлинным верно: *Влад. Бонч-Бруевич*» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 150. Ед. хр. 7. Л. 4. Заверенная машинописная копия. Заверительная подпись В. Д. Бонч-Бруевича — автограф).

21 февраля 1920 г. вопрос об Айвазове был внесен в повестку дня заседания Президиума ВЧК (прот. № 31. П. 11. Дело проф[ессора] Айвазова). По итогам обсуждения было принято решение: «Поставить на вид Управлению лагерями, что оно без постановления ВЧК не имеет права освобождать. <...> 3) Айвазова не освобождать» (ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 4. Д. 1. Л. 51 об. Рукописный подлинник).

1 марта «Ответственный Комиссар Московского железнодорожного Узла» Ушаков, не подозревавший о постановлении Президиума ВЧК, вторично ходатайствовал (делопроизводственный № 1798) перед чекистами об освобождении Айвазова «от явки в Управление лагерями для регистрации» и настаивал на выдаче заключенному Удостоверения о его «полном освобождении» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 5).

²⁶ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–5 сентября 1918) — министр юстиции Российской империи (24 апреля 1906–6 июля 1915); последний председатель Госсовета империи (1 января — 1 марта 1917). Придерживался крайне правых взглядов, покровительствовал «Союзу русского народа», состоял членом «Русского собрания».

²⁷ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933). С 8 ноября 1917 г. по 12 сентября 1929 г. — нарком по просвещению РСФСР-СССР.

Получив на руки копии обоих писем Ушакова, 1 марта 1920 г. Айвазов переслал их Народному комиссару юстиции Д. И. Курскому²⁸, сопроводив личным «прошением» рассмотреть «дело моего „заложничества“ на предмет полного освобождения меня и предоставления мне моральных и гражданских прав свободного гражданина Советской России, готового служить ей в меру своих сил и знаний, служить по совести, а не из-за страха» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 6).

2 марта Курский, наложив резолюцию «Прошу войти в обсуждение вопроса об освобождении АЙВАЗОВА из Концентрационного Лагеря» (Общая Регистратура Н. К.Ю. № 2598), в свою очередь направил бумаги Айвазова (делопроизводственный № 161/1338) в НКВД РСФСР М. Ф. Владимирскому²⁹ (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 6–7).

Ситуация стала меняться (в худшую для Айвазова сторону) в конце марта 1920 г. Как явствует из его письма на имя все того же В. Д. Бонч-Бруевича (20 или 26 числа) 1920 г., «от управления Лагерем вышло распоряжение об отзывании меня со службы назад в лагерь, потому что заложников, як[об]ы нельзя откомандировывать на службу³⁰» (НИОР РГБ. Ф. 369. К. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.).

Между тем в Секретный отдел ВЧК (параллельно — в VIII («ликвидационный») отдел Наркомюста РСФСР) поступило экспертное заключение по делу Айвазова от 22 марта 1920 г., подготовленное самим В. Д. Бонч-Бруевичем:

«В ответ на отношение, направленное на мое имя от 16-го февр. с. г. за № 3571, по поводу заключенного в Новопесковском лагере, как заложник, бывшего миссионера православной церкви профессора АЙВАЗОВА, в котором Вы просите меня сообщить Вам объективные сведения как по отношению к названному профессору, так в отношении заключения А. ФИЛИПОВА, считаю необходимым на этот Ваш запрос ответить нижеследующее. Лично Айвазов мне совершенно незнаком. Я встречал его неоднократно лишь на сектантских процессах[,] где он обыкновенно выступал в качестве эксперта со стороны обвинения, а меня на эти процессы нередко приглашала защита в качестве эксперта со стороны защиты, на основании особого распоряжения Академии Наук, признававшей меня специалистом в деле изучения и всестороннего знания истории, быта, нравов, обычаев и социально-политических и религиозных убеждений сектантов России. Считаю своим долгом совершенно определенно заявить, что названный Айвазов всегда выступал, может быть[,] согласно своей совести, ярым противником сектантов. Это ему[,] конечно[,] нельзя ставить в вину, так как он являлся представителем господствовавшей в то время православной церкви, но[,] к сожалению[,] я не могу не отметить, что при своих выступлениях он был злостным обвинителем сектантов, подтасовывал и искажал факты и историю сект. Больше того, он дошел до такой низости, что не смотря на то, что был миссионером православной церкви, он являлся сам на обыски сектантов, руководил ими и[,] напр[имер] в известном процессе Московских Трезвенников³¹[,] всеми мерами и всеми силами

²⁸ Курский Дмитрий Иванович (1874–1932). С марта 1918 г. — член коллегии, с апреля 1918 г. — заместитель наркома, с августа 1918 г. и по январь 1928 г. — народный комиссар юстиции РСФСР.

²⁹ Владимирский Михаил Федорович (1874–1951). С 8 апреля 1919 г. по 25 мая 1922 г. — заместитель народного комиссара внутренних дел РСФСР.

³⁰ «ПРИКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЧК № 22. Москва, 3-го марта 1920 г. Циркулярно. Отделу принудительных работ, Управлениям лагерями и Комендантам лагерей. 1) Лица, приговоренные до конца гражданской войны и пожизненно, не могут и не должны назначаться на работы вне мест заключения. 2) Заключенных, указанных категорий, можно употреблять на работы вне мест заключения исключительно с разрешения Президиума ВЧК или Губчека» (ГАРФ. Р-4042. Оп. 1а. Д. 16. Л. 27 (типографский текст)).

³¹ У истоков т. н. «трезвеннического движения» стоял Иван Алексеевич Чуриков (1861–1933). В 1894 г. он начал работать в Санкт-Петербурге среди завсегдаев питейных заведений, ведя беседы (в духе Православной Церкви) о вреде алкоголя. Однако весьма скоро местное церковное начальство потребовало от светских властей положить конец инициативным устремлениям трезвенников, усмотрев в их действиях нарушение православных канонов, выразившееся в присвоении мирянами права проповедовать Евангелие и толковать слово Божия по собственному

хотел извлечь из обыска для обвинения этих простых, очень у[ме]ренных сектантов, какие[-]то особенно безнравственные преступления, для чего вытаскивал из грязного белья мужские и женские сорочки, обшаривал постели, комоды и пр. Являясь одним из творцов этого знаменитого процесса, куда во Владимир я был вызван в качестве эксперта защиты, Айвазов так построил обвинение, что пришлось потратить 54³² дня, чтобы разоблачить всю ту гнусную ложь и клевету, которую сплели Айвазов, Варжанский, Скворцов и др. миссионеры на так[и]х скромных людей, происходивших в большинстве своем из ремесленников города Москвы. На других процессах, где участвовал Айвазов, повторялось то же самое, постоянная подтасовка фактов, грубая и хитрая ложь[,] постоянное стремление во что бы то ни стало унижить, скомпрометировать, законопатить в тюрьму, в далекую Сибирь сотни и тысячи сектантов.

В литературных своих произведениях Айвазов всегда выступал таким же лживым писателем, как он был лживым экспертом. Свою профессию он получил не потому[,] что внес какой[-]нибудь свет знания в специальные вопросы, связанные с изучением сектантов, а лишь потому, что за свое по[с]тоянное преследование сектантов стяжал благоволение самых закоснелых и изуверно настроенных высших иерархов православной церкви той эпохи. Свою профессию он получил вопреки и при протесте всех ученых [1 слово неразборчиво. — М. К.] Духовной Академии, которые прямо[-]таки негодовали на то, что приказом Святейшего Синода этот безталантный, но очень усидчивый человек мог проникнуть на профессорскую кафедру, чтобы оттуда вести свою погромную противу сектантскую пропаганду, какую он вел и на процессах

усмотрению (и, естественно, без благословения духовных лиц), на частных квартирах, превращенных в квазихрамы. Последовали репрессии. Чуриков сначала попадает в Самарскую больницу для душевнобольных (1898), затем его заключают в тюрьму Суздальского Спасо-Ефимиевского монастыря (1900). Недолгую передышку трезвенническое движение получает лишь в годы первой русской революции. Именно в ту пору сформировалась его разветвленная оргструктура, центром которой становятся созданное Чуриковым в столице в 1906–1907 гг. общество «Трезвая жизнь» и сельскохозяйственная колония, основанная Чуриковым в 1908 г. в пос. Вырица близ Санкт-Петербурга на землях, приобретенных на его собственные деньги и многочисленные частные пожертвования. Примерно с 1906 г. в Москве начали функционировать группы последователей Чурикова во главе с Иваном Николаевичем Колосковым (1874–1932) и Дм. Григорьевым. Если у Чурикова главные элементы православного культа сохранялись (за исключением причащения вином); то у колосковцев, называвших себя «свободными христианами», никаких обязательных богослужебных правил не существовало: «мы отрицаем всякие догматы и авторитеты как насилие над нашим разумом <...>. Поэтому у нас нет никаких духовных отцов и наставников <...>. Мы отрицаем всякие обряды, как насилие над нашими чувствами, которые они искусственно вызывают». Что касается содержания проповедей лидеров трезвеннического движения, то оно представляло собой смесь библейских постулатов (в их собственном толковании) и выдержек из толстовской доктрины «непротивления» и «всеобщей любви». Целью своей деятельности трезвенники объявляли «создание Царства Божия на земле», здесь и сейчас. Этическим категориям приписывалась способность быть решающим фактором в преобразовании общественного строя. После непродолжительной оттепели в годы революции (приведшей в трезвеннические общины многие тысячи людей) преследования «братцев» (как они сами себя называли) возобновились с новой силой. В 1908 г. Колосков в административном порядке высылается из Москвы. В 1910 г. И. Колосков и Д. Григорьев отлучаются от Церкви. В 1911–1913 гг. по сфабрикованному обвинению в свальном грехе они в течение 1,5 лет находились под следствием. Впрочем, под давлением общественного мнения и в силу явной надуманности попыток представить трезвенников последователями хлыстовского вероучения Владимирский окружной суд и Московская судебная палата (1913–1914) распорядились московских «братцев» из-под стражи освободить. Вместе с тем постановлением Миссионерского отдела при Святейшем Синоде от 12 июня 1912 г. Чурикову было запрещено проведение его духовно-нравственных бесед. В 1914 г. за сектантские заблуждения, под которыми подразумевалось изложение Св. Писания без всякого руководства свв. отцов и учителей Церкви; отрицание благословенности церковного брака; попытки сравнить себя с Иисусом Христом, объявлять себя носителем благодати Божией и врачевать путем наложения рук, Петербургским епархиальным управлением было принято решение не допускать Чурикова и его последователей до Св. Причастия.

³² Первая цифра читается неуверенно, возможно: 6.

сектантов[,] и с церковных кафедр, и в полемике с сектантами[,] и в литературе. Меня крайне изумляет, что такой мракобес мог проникнуть в Наркомпрос и там чем[-]то заниматься, но[,] конечно[,] не просвещением.

В качестве заложника Айвазов[,] конечно[,] не стоит и лома[н]ого гроша. Я не сомневаюсь, что никакой белогвардеец в мире не пошевелит даже пальцем для изменения участи Айвазова, так как этот ретивый миссионер пользовался одинаковым презрением как в самых левых кругах, так и в кругах консервативных³³[.] и только самая небольшая группа оголтелых мракобесов из Святейшего Синода относилась покровительственно к этому проходимцу. Так что держать Айвазова в качестве заложника[,] по[-]моему[,] не имеет никакого смысла. Ко всем отрицательным качествам Айвазова необходимо добавить еще одно: он крайний трус и как все трусы всегда подделывается ко всем и[,] конечно[,] я не сомневаюсь ни одной минуты, что он сейчас находится в крайнем страхе и в невероятном трепете. Если за ним не числится какого[-]нибудь определенного проступка, может быть[,] целесообразнее было бы[,] чем кормить его казенным хлебом, отпустить его на все 4 стороны, взявши подписку, что если он хоть как[-]нибудь и чем[-]нибудь проявит себя в качестве активного политического деятеля, то будет приговорен к высшей мере наказания нашего времени. Также следует его лишить права занимать какой[-]нибудь ответственный пост на Советской службе.

Пользуюсь случаем обратить Ваше внимание, что мне известно, что и другие миссионеры православной церкви, наиболее озлобленные против свободомыслящего населения, прежде группировавшегося в сектантских общинах, в настоящее время проникают и проникли на советскую службу и под этим покровом продолжают свое гадкое дело преследования сектантов. Как мне известно[,] такие случаи были в Пензе и Самаре. В Пензе такой бывши[й] миссионер начал преследование очень отсталой и малоразвитой секты, мало распространенной в России, так называемых Иоаннитов³⁴. А в Самаре такой миссионер громил Ба[п]тистов и Евангелических Христиан, добываясь через Советскую власть закрытия их молельных домов и собраний, о чем я своевременно сообщил Наркомюсту, но[,] к сожалению[,] кажется[,] безрезультатно. Этот Самарский миссионер[,] кажется[,] и по настоящее время орудует там. Необходимо дать общее распоряжение, чтобы миссионеры православной церкви[,] наравне с царской полицией, сыщиками и жандармами[,] ни в коем случае не могли бы занимать ответственных постов в Советской России, при чем к их доносам, ходатайствам, жалобам и клеветам надо относиться с крайней осторожностью, так как эти мракобесы были и есть действительными врагами просвещения и организации народа. УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА Влад. Бонч-Бруевич 22/III 1920 г.» (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 162. Ед. хр. 39. Л. 1–1 об., 2–2 об.). Авторизованная машинописная копия с обильной рукописной правкой. Подпись — автограф. Дата вписана от руки. Часть текста по правому краю срезана.

27 марта 1920 г. Айвазова препроводили в Бутырскую тюрьму. Арест был произведен по поручению следователя VIII отдела Наркомюста И. А. Шпицберга³⁵. В качестве обвинения Айвазову были предъявлены результаты проведенных им в 1911–1913 годах «5 или 6 экспер[тиз] по делам хлыстов и скопцов» (НИОР РГБ. Ф. 369. К. 230. Ед. хр. 39. Л. 3).

16 апреля 1920 г. Айвазов в очередной раз обратился за содействием к Управделами Совнаркома, не догадываясь, что именно свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича во многом

³³ «Мне передавали, что некоторые из служащих православной церкви в Петрограде по низменным побуждениям оклеветали меня», — писал Айвазов Бонч-Бруевичу в конце марта 1920 г. (НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 5–5 об.).

³⁴ Имеются в виду группы почитателей св. Иоанна Кронштадтского (прот. Иоанна Ильича Сергиева; 1829–1908/1909), с 1880-х годов начавшие создавать общины с монашеским укладом, с общим имуществом, с наставниками во главе.

³⁵ Шпицберг Иван Анатольевич (1880–1933). Работал в VIII отделе Наркомюста с 17 мая 1919 г. сначала в качестве эксперта, а затем (не позднее мая 1920 г.) — следователя по важнейшим делам. С 1 декабря 1920 г. по 31 мая 1921 г. — юрисконсульт ВЧК и одновременно — уполномоченный VII (церковного) отделения СО ВЧК.

сформировало негативное отношение к нему со стороны властных инстанций. Полагая, что «экспертизы — это давнее дело и амнистиями 1918–19 г. ... покрытое», он просил дать ему «свободу до суда. А там, если суд осудит меня, я по[не]су наказание и буду просить только о снисхождении» (НИОР РГБ. Ф. 369. К. 230. Ед. хр. 39. Л. 3).

В тексте последнего по времени письма на имя Бонч-Бруевича от 5 мая 1920 г. заключенный выражал надежду попасть под действие амнистии от 1 мая 1920 г.: «Если бы, при применении ко мне амнистии, потребовалось назначить меня на Советскую службу, то покорнейше просил бы дать мне службу по месту моего семейного жительства — в Петрограде[,] и по роду моих познаний, т. е. по Наркомпросу или Наркомюсту» (НИОР РГБ. Ф. 369. К. 230. Ед. хр. 39. Л. 4).

В том же 1920 г. И. Г. Айвазов вернулся в Петроград и до весны 1927 г. служил в различных государственных учреждениях. 26 марта 1927 г. он был вновь арестован (АУ ФСБ России по СПб и ЛО. Фонд уголовных дел. Д. П-83231. Л. 1–99). 13 января 1928 г. приговорен к трем годам ссылки (адмвысылки из Ленинграда) с конфискацией библиотеки и отправлен в Йошкар-Олу. В 1933 г. поселился в г. Павлограде Днепропетровской области, где работал в местном архиве. По выходе на пенсию в 1937 г. занимался богословием, в 1940–1950-х годах писал статьи и заметки для «Журнала Московской Патриархии». Умер 17 декабря 1964 г. Был реабилитирован прокуратурой Ленинграда 10 октября 1995 г.

Источники и литература

Источники

1. НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 150. Ед. хр. 7. Л. 1, 2, 3–3 об., 4; Карт. 162. Ед. хр. 39. Л. 1–1 об., 2–2 об.; Карт. 230. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об., 3, 4, 5–5 об.

2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 15. Л. 4, 5, 6, 7; Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 98. Л. 127; Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 3–4; Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 1б. Л. 13, 27; Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. С. 160–161.

3. ЦА ФСБ России — Центральный архив Федеральной службы безопасности (ФСБ) России

ЦА ФСБ России. Ф. 1ос. Оп. 4. Д. 1. Л. 51 об.

4. АУ ФСБ России по СПб и ЛО — Архив управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

АУ ФСБ России по СПб и ЛО. Фонд уголовных дел. Д. П-83231. Л. 1–99.

Литература

5. Гарнюк, 2011 — *Гарнюк С. Д.* Московская власть: советские органы управления, март 1917 – октябрь 1993: справочник. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2011. 943 с.

6. Крапивин — *Крапивин М. Ю.* А. Ф. Филиппов и «Исполнительный комитет по делам духовенства всей России» (1919–1920 гг.) // Исторические чтения на Лубянке: 15 лет / Общество изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2012. С. 62–73.

Mikhail Kravivin. The History of the Arrest of I. G. Aivazov, Professor of the Petrograd Theological Academy, by the Cheka (October 1919 – May 1920).

Abstract: The article is devoted to a relatively little-known episode from the life of I. G. Aivazov, Professor of the Petrograd Theological Academy (1872–1964). On the night of October 23, 1919, he was arrested by members of the Petrograd Provincial Extraordinary

Commission and for almost half a year was held hostage in various detention facilities. The fate of I. G. Aivazov was decided at the level of the Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission, based on the content of expert opinions prepared by the Chairman of the Executive Committee for the Clergy of All Russia, A. F. Filippov, and the Administrator of the Council of People's Commissars of the RSFSR, V. D. Bonch-Bruyevich. Since the investigative-criminal case paperwork against I. G. Aivazov did not survive (if it existed at all), the author of the article was forced to reconstruct all the vicissitudes of I. G. Aivazov's arrest on the basis of disparate archival evidence. The most important documents are included in the full text of the publication and are accompanied by a detailed commentary.

Keywords: Aivazov, Petrograd Provincial Extraordinary Commission, hostage, concentration camp for forced labor, Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission.

Mikhail Yurievich Krapivin — Doctor of Historical Sciences, Professor of Saint-Petersburg State University (mihaikrapivin61@yandex.ru).

This research was carried out with the financial support of the RFFR as part of research project no. 18-09-00299 A.

Sources and References

Sources

1. NIOR RGB — Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]

NIOR RGB. F. 369. Cart. 150. Ed. khr. 7. L. 1, 2, 3–3 verso, 4; Cart. 162. Ed. khr. 39. L. 1–1 verso, 2–2 verso; Cart. 230. Ed. khr. 39. L. 1–2 verso, 3, 4, 5–5 verso. (In Russian).

2. GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]

GARF. F. A-353. Op. 3. D. 15. L. 4, 5, 6, 7; F. P-393. Op. 89. D. 98. L. 127; F. P-4042. Op. 1a. D. 1a. L. 3–4; F. P-4042. Op. 1a. D. 16. L. 13, 27; F. P-9401. Op. 2. D. 511. Pp. 160–161. (In Russian).

3. TsA FSB Rossii — Tsentral'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti (FSB) Rossii [Central Archive of the Federal Service of Security of Russia]

TsA FSB Rossii. F. 10c. Op. 4. D. 1. L. 51 verso. (In Russian).

4. AU FSB Rossii po SPb i LO — Arkhiv upravleniya FSB Rossii po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Administration Office of the Federal Service of Security of Russia in Saint-Petersburg and the Leningradsky Region]

AU FSB Rossii po SPb i LO. Fond ugolovnykh del [Fond of Criminal Cases]. D. II-83231. L. 1–99. (In Russian).

References

5. Garnyuk (2011) — Garnyuk S. D. *Moskovskaya vlast': sovetskie organy upravleniya, mart 1917 — oktyabr' 1993: spravochnik* [Moscow Power: Soviet government, March 1917 — October 1993: handbook]. Moscow: Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya g. Moskvy [Publishing House of the Main Archival Administration of Moscow], 2011, 943 p. (In Russian).

6. Krapivin (2012) — Krapivin M. Yu. A. F. Filippov i «Isполnitel'nyy komitet po delam dukhovenstva vseya Rossii» (1919–1920 gg.) [Filippov A. F. and “Executive Committee for the Affairs of the Clergy of All Russia” (1919–1920)]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke: 15 let / Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb* [Society for the Study of the History of Russian Special Services]. Moscow: Kuchkovo pole, 2012, pp. 62–73. (In Russian).